

На ММК держится держава!

(Семейные перепевы)

– Муженек, пока, пока:
Милый мой, усатый.
Ухожу на ММК,
За большой зарплатой.

– Путь твой, женка, недалек:
Три-четыре мили.
Что ж, придется кошелек,
Покупать пошире.

– Знаю, будешь, дорогой,
Ты чернее тучи:
Я в чеху себе найду
Мужичка покруче.

– Зря мечту, жена моя,
Сладкую лелеешь
Ты же вовсе ничего,
Делать не умеешь

– Там, где искорки летят,
Сталь рекою льется,
Там мне, там мне ничего
Делать не придется.
Стану губки подводить,
Кофе попивая.
Хорошо мне будет жить:
Я же молодая!

– Понял я про ММК,
Ты не знаешь «ни фига»!
Ты запомни, жизнь моя,
Дорогая Клава:
На таких, как ММК,
Держится держава!

МИХАИЛ ЗЕРНОВ

«ММ» – газета главная,
И ведущая, и славная,
Я про жизнь – судьбу свою
Вам частушки пропою.

Комбинат металлы плавит
И талантами богат.
Во дворце «минуту славы»
Получили в прошлый год.

Мне не семьдесят –
семнадцать,
Раскудрява голова,
Мне б еще влюбиться надо –
Остальное – ерунда.

Познакомилась с мужчиной,
Он любовник мой и друг,
И для свадьбы есть причина –
Кавалер мой – металлург.

Познакомилась с мальчишкой
В новом клубе ЖДТ,
До сих пор его мы ищем –
Дочка, внучка и т.д.

Синеглазый мой вальцовщик,
Сладко ты целуешься,
Закружи меня в вальсочке –
Сердце так волнуется.

Покатались здорово
Во Дворце Ледовом,
Докатали от катка
К медсанчасти ММК.

Прочитала рубрику –
Что же тут за публика?
Ветераны ММК
Холосты еще пока.

Срочно деду позвонить –
Нужно познакомиться,
На прабабушке женить –
Внуки успокоятся.
Дама стройная – краса
Жаждет познакомиться,
90-60 – хочется и колется.

ЛЮДИЛА КАРПОВА

Родина

Целебной грязи Большого Шантропая хватило бы на всех больных

ФОТО > ОЛЬГА ТАВРИКОВА

ЗАУРАЛЬЕ – земля низменная, однообразно плоская, без гор и холмов. Если бы не березовые колки, разбросанные там и сям, да смешанные лесочки, перелески и рощицы, глазу не за что было бы зацепиться. А еще всю нашу местность пересекают извилистые бесконечные лога, в которых уютно пристроились ленты смешанных лесочков с березками, осинками, кустарником.

Но не столь она скучна, эта земля, созданная природой, казалось бы, для дремотного прозябания. Речки здесь не так часты, как в гористой местности Среднего Урала, но зато если она, река, течет по равнине, например, Тобол, речка так себе, маломальская в летнюю сушь, но полноводная в ненастье, а в весеннее половодье – бескрайняя, необозримая речка!

И смотри не смотри, не разглядишь противоположную твердь. И, кричи не кричи, не докричишься до того дальнего, неведомо где установившегося противоположного берега этого весеннего моря-потока, уносящего в дальнюю даль сорванные с петель калитки и порушенные поленицы дров вперемешку со всяким мусором. И только торчат над водой, там да сям, клонясь в ее стремнине, указывая направление течения, верхушки направленные течения, верхушки половодья. Не все они, эти березы, отойдут и в летнюю пору, немало их, оставшихся в низинах по колено в воде и после схода большой воды, переплывут той водицей, усохнут.

А пока все вокруг сплошное море разливанное! Никаких паромов и перевозов по эту пору здесь не существует.

Зато сколько тут озер! Тут тебе и пресные, не просто зарыбленные, а изобилующие всяческой рыбой; частично поросшие камышом, а то и кочками – того и гляди в болото

такое горе-озеро превратится. Как наше озеро Сосновское на северной окраине поселка Лесного, называвшегося в годы нашего детства Подсобным. Или тысячи других, со звонкими именами, часто башкирскими, казахскими. А то и безымянных. Было у нас за околицей и такое озерцо-болотце со студеным родничком посередине, густыми зарослями тальника по периметру и махонькой березовой рощицей посерединке, у самого родничка, на крохотном островке. Редко кто из нас, пацанвы да и взрослых, осмеливался к нему ходить, попроведовать тот родничок. Не дай бог оступиться, и пиши, пропало. Утопнешь. Сказывали, что вода в том родничке мало что до зубной ломоты студена, она еще и целебна.

В наших южноуральских пресноводных озерах водится множество окуньков и карасей, вылавливаемых местными рыбаками. Но еще больше в наших местах озер соленых, с привкусами воды от солоноватых до горьких. У них нередко даже названия по вкусу их воды: «Горько-соленое», «Горькое», «Соленое» и тому подобные. У одних дно чистое, вода прозрачная, другие – илистые, грязевые. Соответственно и цвет воды: голубой, белесый, зеленый, желтый...

Не ведая химического состава, названия солей, растворенных в той воде, и степени целебности грязей, местные жители вымазываются этой грязью, отмокают в тине, купаются в зеленоватой воде, излечиваясь от всевозможных болячек. Опытным путем с годами и десятилетиями доходят – в каком озере от чего можно исцелиться.

Помнится, лет полста с лишним назад ездил со старшим братом за тинной, грязью и водицей для тетушки Лиды, лежавшей дома пластом, почти недвижимой, на озеро Большого Шантропая, на берегу которого уютно расположилось ка-

зачье село Белоусово, центр нашего сельсовета. Тетушке тогда не было и тридцати, теперь же, на стыке тысячелетий, ей уже за восемьдесят. Ее тогда как следует искупали в той водице, полегала она в ней да в целебной грязи вдоволь. Ни разу после того так серьезно не болела.

Отбили у спецпоселенцев охоту петь песни на родном языке

Одной бочки хватило. Много позже ученые люди считали, что той целебной, хлоридно-натриевой и щелочной грязи хватило бы на оздоровление половины больных россиян, ее там – по всему дну несколько миллионов кубометров на площади более пяти квадратных километров слоем более метра.

Вот такие в Зауралье замечательные места! Зимой по крыши дома заметает снегом, весной подтапливает тальми водами, летом сушит, как в пустыне, а осенью льет-заливает дождями. И что весной, что дождливой осенью, засасывает сапоги в суглинки, черноземы и глину – ног не выворотить. Ждешь, уже как избавления от мучений, хороших морозцев...

Но случаются свадьбы, чуть ли не единственное событие, когда гуляют все от души и самозабвенно. И еще – проводы в армию. Это тоже праздник, всеми признанный и поощряемый. В одной компании и по-русски споют, и по-татарски, и еще по-каковски-нибудь. Только немцев у нас пока нигде не слышно. Хоть их, может быть, на том гулянье-веселье и большинство. Но – ни гугу. Даже на собственных свадьбах. Отбили у них в лихолетье охоту раскрываться даже в песне. Да что там песня – говорить на родном языке опасаются. Вот у себя дома, среди своих, это да, тут могут и песенно погрузиться, и плясочно повеселиться, не опасаясь косых взглядов или грубого слова. Было бы настроение. Но редко оно, такое настроение посещает ссыльнопоселенцев, с тоской вспоминающих другие места, другие улицы и дома, на берегах других рек...

А птицы летят и летят, нагоняя грусть о несбывшемся, тихую о чем-то печаль и душевную тоску. Даже в такую хмарь они, вечные странники, поднявшись над нами, продолжают свой целеустремленный путь. И только высокое курлыкание доносится до ползущего внизу по распутице человека.

А ты остаешься здесь, в «своем» селении, не только бескрылый, но и невыездной. Куда же ты пойдешь, если все, чем ты живешь, находится здесь, в этом, богом забытом месте?

Не взлетишь, не уедешь, не ушагаешь. И держит тебя не груз богатства, не безотчетная любовь к кому-то или к чему-то, а один лишь страх перед редко видимым вершителем судьбы – комендантом. Он наезжает из райцентра в спецпоселение с инспекцией, делать переключку, проверить «контингент». Когда-то он с подразделением охраны жил здесь же, рядом. Не в бараке, конечно.

На дворе уже конец пятидесяти годов двадцатого века. Теперь хорошо. Зону для немцев отменили, заменили ее спецпоселением. Охрану сняли, комендант уехал в райцентр, в далекий Еткуль. Но за околицу и теперь не подашься. Поход в соседнее село для взрослого спецпоселенца чреват двадцатью годами каторжных работ. Если, конечно, об этом походе на тебя кто-то «капнет». Капнут, даже не сомневайся, всегда найдется кому. Ведь ты – спецпоселенец «на вечные времена», как подчеркнуто в правительственном указе. И ты – сам себе не указ!

А птицы летят и летят на юг. «Летят они в дальние страны // В бескрайней дали голубой, // Летят они в дальние страны, // А я остаюсь с тобой. // А я остаюсь с тобой, // Родная навеки страна. // Не нужно мне солнце чужое, // Чужая земля не нужна...», – поешь, проверяя слова, песню, исполняемую по репродуктору изо дня в день, как заклинание ☹

ВИКТОР ГРИНИМАЕР,
член Союза писателей России